

...Они медленно кружатся на сцене. Они — это пять юных девушек. Им бы входить в жизнь, любоваться тихими зорями. А они уходят в вечность, не узнав по-настоящему жизни. Смотришь на них и вдруг с какой-то особой острой осязаешь век страшную античеловечную силу войны.

Спектакль «А зори здесь тихие...» и рождает это чувство. Вызывает его и одноименная повесть Б. Васильева, которая два года назад была опубликована в журнале «Юность» и стала основой спектакля. Здесь мы сталкиваемся с переводом литературного произведения на язык другого искусства. Потеря при этом — явление неизбежное. Тем неожиданнее было открытие, что потеря — то, собственно, нет. А, наоборот, есть приобретение. Повесть Б. Васильева была, безусловно, не лишена интереса. В театре же ее инсценировка стала художественным открытием.

Спектакль «А зори здесь тихие...», поставленный Ю. Любимовым на сцене Русского театра БССР имени М. Горького, идет два часа (без антракта). И с первой до последней минуты, он привлекает внимание зрителей. Кажется, если отдраться хоть на миг, будет потеряно что-то очень важное.

Инсценировка Ю. Любимова и Б. Глаголина оставляет впечатление шемдящую ноту современности с той страшной и трагической круговертью войны, но усиливает, укрупняет характеры, как бы высекает их лучшею особую «проектную». Этот «проектор» — своеобразное видение художника.

И здесь, думается, нужно сказать несколько слов об эстетической позиции Можковского театра драмы на Таганке, главным художественным руководителем которого уже много лет является Ю. Любимов.

Кредо этого театра — чувствующая мысль. Вдохновение, актерские эмоции — все это присутствует на сцене Театра на Таганке. Но оно должно быть «нацелано» на стержень режиссерской мысли, согласовано с ней до мельчайших деталей, освящено ею.

В спектаклях этого театра видишь прежде всего режиссера, а уж затем вырисовываются актерские индивидуальности. Такой театр, связанный с традициями вахтанговской и мейерхольдовской школ, имеет право

ла в лесу двух немецких парашютистов...

Решение, принятое старинной, исполняется молниеносно: он сам и пять девушек уходят на поиску «противника» сюда до двух человек» — такую большую задачу ставит перед собой небольшим отрядом Васков. Именин оказывается 16 человек, силы сторон неравны. Так складывается трагическая ситуация.

...Органично взаимодействие мысли режиссера и художника. Все оформление спектакля (художники Д. Баровский и Л. Де-

зы к жизни — с наибольшей силой выявляется во вставном эпизоде — самой, вероятно, важной сцене из ее прошлого, сцене, где гости и отец Лизы высуждают о смысле жизни.

Сцена эта выявляет сущность режиссерского взгляда на ценность актерских работ. Так, исполнение роли Н. Чемодуровой технически более совершенно, чем у другой актрисы — А. Гвоздевой. Она прежде всего выявляет свое отношение к партнеру, а спектакля, где задано отношение партнеров через зал, че-

Ю. Ступакова. Образ Риты Осяпиной в исполнении Б. Мазурия очень важен для спектакля в целом. Несметная на слово юность, она мать и вдова, ее муж пограничник, погиб в первые дни войны. В ней воплощены стойкость и мужество, строгая красота, цельность женского характера. И умирает она, думая о долге и Родине, умирает непообежденной.

Старшина Васков (Ю. Ступаков) — выходец из глубин народа, он честен, исполнителен (прежде всего он старшина!) и прост. Прост, но не простоват. Более того, он мудр той мудростью бывшего человека, которая приходит с большим жизненным опытом. Рассуждения Васкова о том, что «сезон» — они матеря будущие, берут за сердце простотой и точностью: здесь уровень рассуждений простого солдата поднимается до философского размышления. Васков (и это его качество великолюбно) сумел передать Ю. Ступакову под напускной грубоватостью скрывает глубоко нежное и бережное отношение к своим подопечным. Но особенно значительной представляется работа Ю. Ступакова в финале спектакля. Начало чувства растет по мере того, как одна за другой погибают героини. И это ощущается во внутреннем состоянии старшин. Когда, рыдая, ругаясь, шатаясь, Васков уходит со сцены — победитель, который один остался в живых, — только тогда осознаешь, какой ценой досталась эта победа...

рез зрительское восприятие. — это противопоставлено. Поэтому исполнение А. Гвоздевой выглядит прошле, но достоверней. Интересна трактовка образа Соли Гурини актрисой Ж. Ермолиной. Ее Соня — человек богатой души, существо трогательное в своей незащищенности. Поэтому гибель ее (такая чуждая) воспринимается как личная потеря.

Эклектической представляется работа Э. Овчинниковой (Галля Четвертак). Здесь мы встречаем много знакомого, исползованного актрисой в предыдущих ролях. Но в сцене гибели героини Э. Овчинниковой поднимается, на мой взгляд, до нового осмысления образа; последние мгновения жизни семнадцатилетней девушки стали гниеным обыденным фашизму и войне.

Наиболее важным и интересным в спектакле оказались работы артистов Б. Мазурия и

ОНИ УХОДЯТ В ВЕЧНОСТЬ

на жизнь и доказывает его как жидка необшири выражением», так и очередями зрителей.

Стиль Любимова ощущается в спектакле нашего Русского театра с первой сцены. Последний звонок охватывает с завыванием сирены, поймаются взвод девушек-зенитчиц, происходит их комический-серьезное знакомство со старшиной Васковым. И все это экспрессивно, без лишних деталей, лаконично и четко. Зритель сразу же вовлекается в творческий процесс: кажется, он сам находится в грузовой, несущем девушке, разделяет немудреные рассуждения старшини Васкова — «становится» соучастником спектакля.

Главное течение действия со спокойным настроем сцен, где старшина Васков попадает в забавные ситуации, вдруг обрывается на высокой и тревожной ноте: одна из девушек, возвращаясь ночью из города, увиде-

тер) составляют буквально пять досок. Они то становятся кузовом грузовика, на котором прибивают девушек, то служат стенами бани, то вдруг оказываются столами деревьев, за которыми прячутся попеременно фашисты и бойцы «команды Васкова». Таковы законы искусства — художник может заставить «заговорить» даже простые доски.

И вот наступает самая главная в жизни человека минута — когда он смотрит смерти в глаза. Разные судьбы были у наших героинь при жизни, по-разному они встречают и смерть. Лиза Бричкина, крестьянская девушка, живая и смекалистая, которая во выражении Васкова «все может», гибнет в болоте, не сумев пробраться к своим. И последнее, что западает в память, — широко раскинутые вверх руки — как бы символ молодости, рвущейся к жизни. Именно это — тяга Ли-

В. САЛБЕВ.